

УДК 821.161.1

КИММЕРИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ М. ВОЛОШИНА

Таймазова Л. Л.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
E-mail: taymazova330@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности лирической манеры повествования М. Волошина. Лиризм поэта связывается со стремлением художника преломлять явления внешнего мира через «живую душу». Проблема смысла человеческой жизни, места человека в мире всегда являлась одной из доминирующих во все эпохи, особенно в XX–XXI вв. Таким местом мироздания, звеном в так называемой великой цепи бытия для М. Волошина становятся «священные пределы» Киммерии.

Ключевые слова: лирическое повествование, пейзаж, поэзия, живопись.

ВВЕДЕНИЕ

Литература начала XX века показала, с одной стороны, «растерянность человека, с каким-то недоумением и страхом взирающего на разоренные “алтари”» [9, с. 39], с другой, – время, когда, подобно эпохе Возрождения, появляются творческие личности, сочетающие в себе многогранность художественного видения. В каждой культуре, у каждого поколения есть свой проводник, преобразующий мировые, вечные ценности в форму, понятную не только для людей своего времени, но, как оказывается, и для последующих эпох. Таким проводником рубежа XIX – XX веков по праву можно считать Максимилиана Волошина.

Все творчество Волошина основано на синтезе различных культурных представлений. А путь к гармонии – это и есть путь синтеза, согласного, органического слияния «всего со всем в этом мире».

Стремление к ясности выражения, к художественной простоте – один из важнейших аспектов художественного освоения Волошиным действительности; в какой-то мере это изначальный признак здорового эстетического чувства.

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть поэтические особенности художественного видения М. Волошина.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Киммерия для М. Волошина – это символ единства исторических корней, преемственности традиций и взаимосвязи культур народов современного мира. «Литания пейзажей Крыма нескончаема. Вдоль берега они нанизываются как строфы лирической поэмы, по северным склонам они спускаются по руслам горных речек, бегущих у подножья пещерных городов и фантастических известняков Бахчисарая. Предгорья и степная часть Крыма не менее насыщены, чем горная область... Но я не могу и назвать всего Крыма» [2, с. 219]. Этот молитвенный восторг Максимилиана Волошина без преувеличения испытывает каждый, хоть раз побывавший в Крыму, – месте, которое, словно по волшебству, привораживает человека с первого взгляда и на всю жизнь.

Являясь узлом пересечения торговых путей, Крым всегда был пространством междивизиационного взаимодействия, местом пересечения и интенсивного культурного взаимопроникновения различных народов, государств, цивилизаций; полем, где сталкивались и активно общались разные по смыслу и энергетике исторические миры. Потому история Крыма так сложна и таинственна: на полуострове собрана удивительная мозаика из самых разных национальных культур. Здесь взаимодействовали цивилизации античной Греции и Рима, Византии и Хазарии, Древней Руси и Балканских стран.

Специфические очертания Крымского полуострова на карте будто бы созданы для того, чтобы люди, взглянув, сразу же запомнили его: кому-то Крым напоминает шейный платок, кому-то – кисть винограда, кому-то – летящую птицу, пикирующую в воды Черного моря, кому-то – всадника, скачущего во весь опор на запад:

*Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья.
Для этих слов тесна моя гортань [4, с. 364].*

Это строки из знаменитого стихотворения «Дом поэта» М. Волошина. Какой же силой обладает эта земля, что «связала» странника, и он навсегда остался с ней?

Волошин не писал об экзотических красотах Южного берега, хотя не раз там бывал. Всю свою любовь он отдал Киммерии: «Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива)...» [3, с. 446].

Многочисленные путешествия закалили дух Волошина и сформировали его позицию «вечного странника» по отношению к природе, к земле Киммерии, ставшей его родиной. Поэт и художник, он грезил «снами» земли, чувствовал ее дух, «летая» во Вселенной, осуществляя символический прорыв в трансцендентное:

*Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли [4, с. 164].*

Переполненный впечатлениями, накопленными от созерцания природы разных стран, и обогащенный достижениями мирового искусства пейзажа, Волошин в поэзии и живописи выразил свою безграничную любовь к Киммерии и ее сердцевине – Коктебелю. Здесь он «ухватил срединную точку равновесия на гигантских весах Востока и Запада» [7, с. 161].

Не сразу Волошин открыл для себя Коктебель. Чтобы понять истинную красоту и неповторимость Коктебеля, по собственному признанию поэта, понадобилось много лет блужданий по дальним странам и берегам. Позже, в воспоминаниях, он объяснит свое первое непонимание так: «Через много лет я понял истину, что при первом впечатлении бросаются в глаза заранее известные “общие места”. Поэтому я искал в Коктебеле “общих мест” юга, а их тут необычайно мало. Первое лето я ви-

дел только скупость и скудость природы и красок. А их необыкновенная выразительность и эlegantность для меня оставалась недоступной. Понадобились долгие годы моей юности, посвященные искусству и странствиям, чтобы открыть оригинальность и красоту Коктебеля» [1, с. 281].

В 1903 году Волошин, по настоянию матери, которая приняла Коктебель сразу и навсегда, решил построить дом и таким образом «пустить свои корни» в глубины древней коктебельской земли. Все в этом месте располагало к высокому настрою души – и спокойная, круглая бухта, непрестанно меняющая оттенки – от бирюзового до темно-фиолетового, и холмистый ландшафт как мелодия веков, и чистота воздуха, напоенного запахами йода и полыни. «После долгого пути по плоскогорьям и ложбинам вдруг раскрывалась долина Коктебеля. И на всю жизнь в памяти остался залив, замкнутый “зубчатым окоемом гор”, с его чистыми, неожиданно яркими красками, ставший “нечаянной радостью” в жизни многих людей. Казалось, каждая покрытая щебнем тропинка в горах, облако, столбом встающее на горизонте, каждый куст, несмолкаемый прибой – все здесь насыщено духовной, почти человеческой жизнью и мыслью» [5, с. 351].

Постепенно Волошин начал разбираться в себе, в своем мироощущении, пришло долгожданное прозрение: «Я чувствую, как что-то выясняется, связывается в душе. Настоящее постепенно связывается с каждой минутой прошлого. Все цельно, все едино, все оправдано. Я начинаю действительно только теперь приобщаться Коктебелю» [8, с. 153].

Так Коктебель «становится для Волошина символическим образом мироздания, в котором аккумулируются все многообразные “лики земли”, следы ее истории и культуры, а “Киммерии печальная область” – универсальной парадигмой бытия, являющего все единство разнообразия и вбирающего все разнообразие единства. Глубже всего Волошин постигал этот уголок земли в уединенных созерцаниях, однако Коктебель всегда был для него земным пределом, открытым для разнообразных веяний живой жизни. Коктебель дает возможность Волошину уйти от чуждой ему “механической” цивилизации в мир природы, естественных человеческих отношений и преемственной, органической культуры» [6, с. 39]:

*Припаду я к острым щебням, к серым срываю размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающей волны,
Обовью я чобром, мятой и полыню седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель!*
[4, с. 98]

Окончательную осмысленность образ Киммерии приобрел у поэта в стихотворных циклах «Киммерийские сумерки» (1906-1909) и «Киммерийская весна» (1910-1926). «Киммерийские» стихотворения Волошина глубоки, лиричны и драматичны. В «Сумерках» возникает образ скорбной и величественной Киммерии, соответствующий состоянию души поэта (этот цикл отразил душевную смуту, пережитую поэтом после разрыва с М. Сабашниковой):

*Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла [4, с. 97].*

В отличие от трагического настроения «Киммерийских сумерек» «Киммерийская весна» уже своим названием говорит об оптимизме и радостном мирозерцании. Тональность стихов этого цикла значительно светлее. Приятие жизни, гармоническое слияние со своей духовной родиной звучит в них:

*Я вновь пришел – к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали [4, с. 153].*

В это же время Волошин начинает интенсивно рисовать Коктебель, который уже неотделим от «внутреннего пейзажа» его души.

Волошин-поэт всегда в полном согласии с Волошиным-живописцем. Многие его стихотворения – результат зрительных восприятий реального мира, они передают картины природы и то настроение, которое возникло у поэта, глядящего на мир глазами художника. Живописец помогает поэту находить краски для стихов, поэт художнику – необыкновенно тонкие ритмические звучания для картин:

*И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душиных трав, и камней отблеск ртутный,
И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц –
Мутят сознание. И зной дрожит от крика...
И там – во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лица [4, с. 98].*

Пустынный Коктебель и его окрестности в волошинских пейзажах кажутся одушевленными: небольшие кудрявые рощицы на фоне морских заливов; бесшумно подкрадывающиеся или, напротив, «всклопоченные» пеной волны; солнце – то выжигающее бесцветное небо, то покрывающее кровавым закатом горизонт, то холодно мерцающее в облачных пеленах. Акварельный пейзаж подытоживается поэтическим:

*Сквозь облак тяжелые свитки,
Сквозь ливней косые столбы
Лучей золотистые слитки
На горные падают лбы.
Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным полынным лугам,
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,*

*Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Все шире, все шире, все шире
Развертывается прибой [4, с. 157].*

«Поэзия – это поющая живопись, так же как живопись – молчащая поэзия». Вот, пожалуй, формула, соответствующая киммерийскому периоду творчества Волошина, высказанная еще в V-IV вв. до н.э. древнегреческим поэтом Симонидом Кеосским.

Связь поэзии и живописи в творчестве Волошина сродни и эстетике Востока, классическая форма которой была определена в XI веке китайским поэтом Су Ши: «В стихах картина, а в картине – стих».

Рассматривая Крым в трех ипостасях – море, степи, горы, отметим, что основополагающим в этом триединстве для Волошина является твердь земная. Безусловно, строки поэта о море пронзительны и волшебны, как и его морские акварели. В них – скрытая философская глубина и точность мазка художника, поэтическое восхищение мгновением и метафизический идеализм.

Приведем лишь некоторые «морские» штрихи:

*«Побелело море; целуя отмель, / Всклипывают волны»; «Встал дыбом вал,
ярясь и споря, / И желтым ширится пятном / В прозрачной прозелени моря»; «Фиалки волн и гиацинты пены / Цветут на взморье около камней. / Цветами пахнет соль»; «Море глухо шумит, развивая древние свитки / Вдоль по пустынным пескам»; «Там дышит тяжело усталый Океан»; «И море древнее, вздымая тяжело гребни, / Кипит по отмелям гудящих берегов»; «Равнина вод колышется широко, / Обведена серебряной каймой»; «Светло-зеленое море с синими полосами, / Тонко усеяно небо лепестками розовых раковин. / Плачут стеклянные волны ясными головами».*

Море непредсказуемо и гармонично одновременно. Его движение сродни потоку, воплощаемому стремительность, неудержимость и свободу самой жизни.

Однако именно земля («В Максе жила четвертая, всеми забытая стихия – земля» /М. Цветаева/) является для Волошина первоосновой всего сущего:

*В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет! [4, с. 97]*

В своих акварельных и поэтических работах Волошин обнажает землю – так, что становятся видны скрытые в ней силы; разрежает воду и воздух – так, что становится виден ее скелет:

*А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках – намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,
Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам [4, с. 99].*

Степные ландшафты сыграли огромную роль в истории человечества. Многочисленные исследования и археологические находки свидетельствуют о том, что в степных областях Евразии люди жили намного раньше, чем в лесной зоне. На протяжении веков и тысячелетий степь была вместилищем кочевых и оседлых ирано-язычных, тюркских, монгольских, восточно-германских и славянских народов:

*Безвестных стран разбитые заставы.
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов [4, с. 162].*

Облик открытых степных ландшафтов, их эстетические особенности не могли не волновать такого мастера, как Волошин. Степные пейзажи отличаются от любых других видов природы. На первый взгляд они кажутся однообразными («мы плыли мимо однообразных берегов», «однообразный голос вод», «и сих холмов однообразный строй»), но если получше приглядеться и почувствовать эту красоту природы, то сразу же становятся заметны все прелести и необычности степных пейзажей. Безжизненные солончаковые степи, пологие холмы, скудная растительность, нагромождение скал-титанов, напоминающих фантастических чудовищ, зверей и даже людей, величественный Кара-Даг с отвесными обрывами, бухты, прелестные своей дикостью, – все это завораживает торжественностью и загадочностью.

Образ Киммерии предстает в единстве макро- и микромира – земли и человека. Киммерия, как настоящая родина, обладающая совершенством, в авторском сознании соотнесена с образом Праматери. Годы раздумий, сопоставлений, сравнений привели Волошина к такому убеждению, сделав его истинным хранителем этого места:

*С тех пор, как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я – душа моя разъялась.
И мысль росла, летилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов. <...>
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху – разбег, а мысли – меру дали. [4, с. 161-162].*

В декабре 1926 года рождается стихотворение «Дом поэта». В чеканных, торжественных ритмах развертывается вся летопись древней крымской земли.

Строки, завершающие стихотворение, звучат итогом всех жизненных раздумий поэта, дарованных ему Киммерией, его завещание грядущим поколениям:

*Будь прост, как ветер, неистоим, как море,
И памятью насыщен, как земля,
Люби далёкий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни, всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас [4, с. 368].*

ВЫВОДЫ

Проблема смысла человеческой жизни, места человека в мире являлась и является одной из доминирующих во все эпохи, особенно в XX-XXI вв. Но существует еще идея «прикрепления к земле», привязанность к конкретному месту, географической точке, когда осознаешь глубинную связь человека с мирозданием. Это есть обретение родины духа и своего дома. Таким местом мироздания, звеном в так называемой великой цепи бытия и становятся для Максимилиана Волошина «священные пределы» Киммерии.

Список литературы

1. Волошин М. История моей души / Максимилиан Александрович Волошин. – М.: Аграф, 2000. – 480 с.
2. Волошин М. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи / Сост. и авт. вступ. ст. и коммент. З.Д. Давыдов. – Симферополь: Таврия, 1993. – 248 с.
3. Волошин М. Лики творчества / Максимилиан Александрович Волошин. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1988. – 848 с.
4. Волошин М. Молюсь за тех и за других: Стихи, поэмы, статьи / Максимилиан Александрович Волошин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
5. Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ. ст. и коммент. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – 480 с.
6. Волошин М. Стихотворения и поэмы / Сост. и подгот. текста А.В. Лаврова и В.П. Купченко. – СПб.: Петербургский писатель, 1995. – 704 с.
7. Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. и коммент. В.П. Купченко, З.Д. Давыдов. – М.: Советский писатель, 1990. – 720 с.
8. Жарков Е.И. Страна Коктебель. Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков / Евгений Игоревич Жарков. – К.: Болеро, 2008. – 608 с.
9. Мескин В.А. Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX в. / Владимир Алексеевич Мескин. – М.: Прометей, 1997. – 137 с.

KIMMERIYA IN POETIC PERCEPTION OF M. VOLOSHIN

Таймазова L.L.

Being knot of crossing of trade ways, the Crimea was always space of intercivilization interaction, the place of a congestion, stratification, crossing and intensive cultural interpenetration of various people, the states, civilizations; we weed where faced and actively the historical worlds, different in sense and power, communicated. Here civilizations of antique Greece and Rome, Byzantium and Khazaria, Ancient Russia and the Balkan countries interacted.

For the poet, the artist and the philosopher Maksimilian Voloshin the Crimea became a symbol of unity of historical roots, continuity of traditions and interrelation of cultures of the people of the modern world.

However Voloshin wrote not about exotic beauty of the Southern coast of the Crimea though he there was more than once. Crowded with the impressions which are saved up from contemplation of the nature of the different countries, and enriched with achievements of world art of a landscape, Voloshin in poetry and painting has expressed the boundless love to Kimmeriya ("Kimmeriya I call east Area of Crimea from ancient Surozha (Pike perch) to Bosphorus of Cimmerian (Strait of Kerch) ...") and her core – to Koktebel.

Voloshin poet always in full consent with Voloshin painter. His many poems – result of visual perceptions of the real world, they give pictures of the nature and that mood which has arisen at the poet looking at the world the artist's eyes. The painter helps the poet to find paints for verses, the poet to the artist – unusually thin rhythmic soundings for pictures.

Regarding the Crimea in three forms – the sea, the steppe, mountains, is fundamental in this trinity for Voloshin твердь terrestrial. Certainly, lines of the poet about the sea are shrill also volshebna, as well as his sea water colors. In them – the hidden philosophical depth and accuracy of dab of the artist, poetic admiration of a moment and metaphysical idealism.

However the earth is for Voloshin a fundamental principle of all real. The shape of open steppe landscapes, their esthetic features couldn't but concern such master as Voloshin. The saline steppes frightening by the lifelessness, the flat hills overgrown with poor vegetation, the titanic heaps of rocks reminding various forms – people, animals, fantastic monsters, the naked steep breaks of the Kara Dag striking with the greatness, the bays and bays admiring with a wild charm – everything charms solemn silence, mysterious beauty. The people who are deeply feeling and understanding the nature always admired the strict, not deprived of grief Kimmeriya. Years of thoughts, comparisons, comparisons have led Voloshin to such belief, having made him the true keeper of this place.

The problem of sense of human life, the place of the person in the world was always one of dominating during all eras, especially in the 20-21st centuries. But there is still an idea of "an attachment to the earth", attachment to the concrete place, a geographical point when you realizes deep communication of the person with the universe. It is finding of the homeland of spirit and the house. Sacred limits of Kimmeriya become such place of the universe, a link in a so-called great chain of life also for Maksimilian Voloshin.

Keywords: lyrical narration, landscape, poetry, painting.